

Бай Ван, изучив гору сумбурных романов о совершенствующихся, пришел к столь же сумбурным выводам.

Во-первых, из десяти главных героев девять носят фамилию Су, восемь — Шэнь, семь — Чу. Поэтому, встретив кого-то с такой фамилией, нужно либо немедленно броситься в ноги, либо сразу бежать без оглядки — в любом случае, спасение собственной жизни превыше всего.

Во-вторых, в таких романах всегда есть определенный типаж персонажей. В устах простых прохожих они слывут небожителями, скрываются в тени, и еще до того, как главный герой обретет свою невероятную мощь, они уже ведут себя как его наставники. Каждый их жест сквозит аурой всемогущества. Они кажутся способными закрыть собой небо, но в моменты, когда мир содрогается от бедствий, они лишь безмятежно наблюдают со стороны, как герой совершает подвиги и качается, после чего одаривают его отеческой улыбкой.

Глядя на троих людей перед собой, Бай Ван невольно подумал, что его выводы чертовски точны.

Дворец Сяньцзюй — место, где секта Цинсуй Цзюсяо принимает глав других сект, кланов и долин. Обычно трое достопочтенных наставников используют его для обсуждения важных дел со своими прямыми учениками. В прошлой жизни каждый визит Бай Вана сюда сопровождался шумом и толпами людей.

Но сейчас во всем дворце были лишь он, Инь Хуайсянь и трое тех, кто восседал в главном зале, излучая ауру, от которой веяло смертью: казалось, им достаточно одного движения, чтобы раздавить его, как муравья.

На мгновение Бай Вана охватила неуверенность и тревога. Он опустил голову, ведя себя крайне сдержанно, не смея выказать ни капли своего обычного озорства.

— Хуайсянь.

Один из троих внезапно подал голос. Это был Цюнфан-цзюнь, восседавший в центре. Он был облачен в серебристо-белые одежды, в левой руке держал метелку-фучэнь, опертую об предплечье. Его голос, подобно звону нефрита о блюдо или журчанию горного ручья, проникал прямо в сердце, словно смывая всю грязь.

Бай Ван не удержался и поднял взгляд, украдкой бросив на Цюнфан-цзюня быстрый взгляд.

Как и в прошлой жизни, его черты лица, словно выточенные из нефрита, поражали своей красотой, перехватывающей дыхание. Он был подобен древнему белому нефриту, к которому явно благоволили боги, потратившие тысячелетия на то, чтобы отшлифовать столь неземной облик.

— Учитель, — Инь Хуайсянь опустил глаза и ответил поклоном.

— Ты утомился, — тихо произнес Цюнфан-цзюнь, добавив эти слова, смысл которых остался загадкой, и не став ничего объяснять.

— Как тебя зовут? — внезапно спросила женщина слева, глядя на Бай Вана. Ее голос звучал подобно пению иволги.

Это была Чэньшу Саньжэнь, заместитель главы секты Цинсуй Цзюсяо и наставница Цю Хуапин. Она прикрывала лицо белой вуалью, скрывая черты, но ее глаза, казалось, могли пленить душу любого в этом мире.

— Бай Ван, — поспешно ответил он, выказывая глубокое почтение.

Чэньшу Саньжэнь, сама не зная почему, обменялась взглядом с Цюфан-цзюнем, а затем едва заметно улыбнулась.

— Сколько тебе лет, молодой господин Бай? — спросил мужчина справа в черных одеждах. Его голос гремел, подобно колоколу. У него был величественный, внушающий трепет вид. Если Цюфан-цзюнь был подобен небожителю, то этот человек напоминал переродившегося владыку девяти драконов — каждое его движение излучало властную энергию.

— Восемнадцать, — в прошлой жизни Бай Ван больше всего боялся именно Фуцю-цзуня. И сейчас, услышав такой обыденный вопрос, он снова погрузился в раздумья.

— Хуайсянь, путь был неблизким, ты устал. Отведи молодого господина Бай отдохнуть, — мягко сказал Цюфан-цзюнь.

Бай Ван снова не удержался и взглянул на него.

В прошлой жизни Цюфан-цзюнь взял его своим единственным прямым учеником и отдавал всего себя, обучая всему, что знал. К счастью, Бай Ван до самой смерти не разочаровал его. Только вот в конце, когда его тело было искалечено, а кости раздроблены, он прыгнул с обрыва, так и не увидев наставника в последний раз. Он думал, что в этой жизни им больше не суждено встретиться. Неужели их судьбы еще не переплелись до конца?

Пока Бай Ван размышлял об этом, он заметил, что Цюфан-цзюнь тоже смотрит на него, а в уголках его губ затаилась мягкая улыбка.

Бай Ван опешил.

Инь Хуайсянь снова поклонился и тихо сказал Бай Вану:

— Пойдем.

— А, да, хорошо, хорошо, — Бай Ван в смятении пришел в себя, опустил взгляд и последовал за Инь Хуайсянем из дворца Сяньцзюй.

Как только их фигуры скрылись, Цюфан-цзюнь едва слышно вздохнул и слегка взмахнул метелкой:

— Не знаю, обернется ли благом или бедой то, что я позволил Хуайсяню привести его сюда.

— Я видела его глаза, они такие же живые, как в прошлой жизни. Даже внешность и имя те же, это поистине невероятно, — рассмеялась Чэньшу Саньжэнь. — Цюфан-цзюнь, не тревожься, все во власти небесного пути.

— Небесный путь... — Цюфан-цзюнь слегка нахмурился. — Если это воля небес, то почему же секта Цинсуй Цзюсяо, которую Ван-эр в прошлой жизни защищал ценой своей жизни, я...

— Не вините себя, Цюнфан-цзюнь. Мне кажется, что это Инь Хуайсянь... — Фуцю-цзунь говорил с гневом.

— Достопочтенный, — Чэньшу Саньжэнь прервала его, — прошлая жизнь осталась в прошлом, пусть все, что было, развеется по ветру. Раз Цюнфан-цзюнь настоял на том, чтобы Инь Хуайсянь стал его единственным прямым учеником, значит, у него на то свои причины. Если сейчас вспоминать о его прошлых деяниях, вы подумали о чувствах Цюнфан-цзюня?

Фуцю-цзунь сжал кулаки, но в итоге разжал их. Он ушел, и его голос, подобно колокольному звону, разнесся по дворцу:

— Но если Инь Хуайсянь тоже переродился, я его не прощу. Бай Ван в прошлой жизни пожертвовал собой, чтобы защитить секту, а он, отринув долг и чувства, ступил на путь демонов и в конце концов вместе с тем злодеем разрушил фундамент нашей секты, строившийся столетиями. Эту обиду я запомнил, Цюнфан-цзюнь, не вините меня.

Цюнфан-цзюнь снова тихо вздохнул:

— Причина это или испытание — решать небесам.

Когда они вышли из дворца, уже была полночь. Луна ярко светила среди редких звезд. Бай Ван шел за Инь Хуайсянем, все еще пребывая в изумлении:

— Поразительно! С каких это пор секта Цинсуй Цзюсяо принимает гостей в присутствии самих наставников? Когда они стали такими доступными?

Инь Хуайсянь не ответил, продолжая молча идти вперед.

Бай Ван потер подбородок, рассуждая сам с собой, а затем, подняв голову и взглянув на звездное небо, воскликнул:

— Уже так поздно! Даос, даос, будь добр, отвези меня вниз на мече, я найду постоянный двор в городе.

Инь Хуайсянь остановился, обернулся и покачал головой.

— А? Не отвезешь? Ну ладно, до подножия недалеко, я сам спущусь, — Бай Ван с кислой миной собрался было уйти, но Инь Хуайсянь крепко схватил его за запястье.

— Никуда не пойдешь, останешься здесь, — холодно сказал Инь Хуайсянь.

— Даос, я знаю правила секты Цинсуй Цзюсяо. Даже гостевым ученикам нельзя оставаться на горе на ночь, а я даже не гостевой ученик. Все, все, я пошел вниз, — Бай Ван попытался вырваться, но Инь Хуайсянь снова потянул его назад.

Почему этот парень такой упрямый? Был ли он таким же в прошлой жизни?

Правила секты! Если узнают, меня же накажут Плетью Наставления! И сечь будет сам Фуцю-

цзунь!

— Эй, куда ты меня тащишь? — Бай Ван содрогнулся при мысли о суровом лице Фуцю-цзуня, но Инь Хуайсянь молча потянул его в сторону, противоположную спуску.

Бай Ван дернулся пару раз, но перестал сопротивляться, потому что эта дорога была ему слишком хорошо знакома.

Миновав восьмиугольную беседку, пройдя по коридору и миновав бамбуковую рощу, Бай Ван увидел простой, древний домик.

Это было то самое место, где он жил в прошлой жизни.

Неужели в этой жизни Инь Хуайсянь живет здесь?

Бай Ван остолбенел, толкнув дверь, и с удивлением обнаружил, что обстановка внутри ничем не отличается от прежней: бамбуковый стол, курильница с благовониями, бамбуковая кровать, меч на стене.

Бай Ван с тоской коснулся письменного стола, а затем сделал несколько шагов к боковой комнате. В прошлой жизни, после того как он спас Инь Хуайсяня, он обустроил эту комнату для него, пока тот, став учеником секты, не был вынужден переселиться в другое место.

Обстановка в боковой комнате немного отличалась: здесь стало больше письменных столов и полок. По сравнению с главной комнатой, здесь было гораздо уютнее.

— Я буду спать здесь сегодня? — Бай Ван улыбнулся. Будучи гостем, спать в главной комнате было бы неуместно.

Странно, все как будто перевернулось с ног на голову: в прошлой жизни он спал в главной комнате, а Инь Хуайсянь — в боковой, а теперь он сам стал гостем.

Кто бы мог подумать, что Инь Хуайсянь покачает головой:

— Ты будешь спать в главной комнате.

А? Что? Э?

Бай Ван замер:

— Почему?

Но Инь Хуайсянь явно не хотел объясняться, повернулся и повесил свой меч слева от кровати.

Бай Ван потер подбородок, и в его голове созрела дерзкая мысль.

Неужели Инь Хуайсянь тоже переродился?

— Даос, — внезапно позвал Бай Ван, — Инь Хуайсянь? Хуайсянь? Инь Лан? Ты...

— Неуважительное обращение, — Инь Хуайсянь внезапно перебил его.

Хм? В прошлой жизни он всегда так дразнил его, а теперь он такой серьезный? Неужели я ошибся?

— Прости, прости, даос, отдыхай, — Бай Ван, почувствовав холодный взгляд, оробел и поспешно отступил в главную комнату.

Инь Хуайсянь отвел взгляд от него. Он долго стоял неподвижно, а затем достал из-за пазухи черную ленту. Это была лента для волос Бай Вана, которую он одолжил в павильоне Ланьтин, чтобы завязать глаза.

В ледяных, как иней, глазах Инь Хуайсяня внезапно промелькнула скорбь. Он намотал ленту на длинный палец и напоследок нежно поцеловал ее.

Когда он снова поднял взгляд, скорбь исчезла, сменившись непоколебимой решимостью.

<http://bllate.org/book/19399/1899630>